

Ирина Александровна Батанина

Динамика качества элиты в условиях модернизации современного российского общества

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

элита, модернизация, ценностная система, ценностные ориентации

Стабильность и консолидационный потенциал элитных групп является одним из показателей особенностей политического пространства российских регионов.

Тенденции изменения элитных групп нашли отражение в динамике взаимодействия исполнительных и законодательных структур регионов. Согласно результатам проведенного исследования, направленность и интенсивность экспертных оценок разграничения функционала исполнительной и законодательной властей характеризуется как нейтральная (показатели моды и медианы совпали и составили 3 при распределении шкальных значений от 1 до 5) и во многом обусловлена возможностями, предоставляемыми системой управления региона для сохранения/улучшения конкретного сегмента элитного сообщества. Так, в регионах-лидерах наиболее оптимистичные оценки дают представители политической и экономической элит, что объясняется благоприятными условиями для повышения их статуса; в регионах-середняках лояльное отношение к существующему распределению функционала исполнительной и законодательной властей демонстрируют политический и социокультурный сегменты. Меньший уровень толерантности к сложившейся взаимосвязи исполнительных и законодательных органов проявляют представители социокультурного сегмента регионов-аутсайдеров при сдержанных оценках политической и экономической элит, что связано с неоднозначностью перспектив развития данных субъектов

ЦФО и наименее благоприятными условиями для самореализации социокультурной элиты.

Более четко проследить тенденцию сращивания функционала исполнительных и законодательных властей региона (при определенном доминировании исполнительных органов) в субъектах середняках позволяет анализ переменной «изменения состава органов власти». Среди факторов обновления законодательных органов власти эксперты называют обстоятельства, связанные с функционированием исполнительных структур, в свою очередь, кадровые перестановки в исполнительных органах детерминируют практиками формирования представительных институтов (табл. 1). Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что сложившаяся система государственного управления в регионах-лидерах оценивается элитным сообществом как более респонсивная в силу большей чувствительности как к институциональным, так и неинституциональным формам влияния на систему. В целом, мнение экспертов по данным вопросам отличается большей интенсивностью, что свидетельствует о высоком уровне консолидации позиций. Снижение же качества жизни в регионах сопряжено с политической эксклюзией граждан, что фиксируется в ответах респондентов: легальным способом обновления власти признается только электоральное участие граждан, легитимация власти в других формах не рассматривается как обязательное условие сохранения властных позиций.

Сенситивность системы управления регионов-лидеров к внутренним и внешним факторам способствует сохранению стабильного состава властных структур (представители элиты данного территориального сегмента при ответах на вопрос относительно частоты обновления основного состава региональных законодательных и исполнительных органов власти отдавали предпочтение индикаторам «3–5 лет» (по 15 экспертов) и «6 лет и более» (15 и 14 экспертов соответственно)) и, как следствие, воспроизводству системных характеристик. В регионах-середняках и регионах-аутсайдерах интервал смены элит также обозначался сроком «3–5 лет». Однако, отмечено увеличение числа респондентов преимущественно за счет политической элиты, считающих, что кадровая ротация в исполнительных органах власти региона происходит значительно чаще (1–2 года), что подтверждает сделанный ранее вывод о высокой степени закрытости системы управления в регионах данного типа.

Различаясь по уровню респонсивности, политические системы ориентированы на единый тип рекрутирования элиты – систему гильдий. При этом наиболее полный пакет характеристик, включая идеологическую составляющую, присущ исполнительным органам регионов-середняков и регионов-аутсайдерах при большей интенсивности последних.

Таблица 1. Факторы обновления состава органов государственной власти региона
 С чем Вы связываете обновление кадрового става региональных органов власти? (Выбор вариантов ответа не ограничен)

	Законодательные органы власти			Исполнительные органы власти		
	лидеры	средняки	аутсайдеры	лидеры	Средняки	аутсайдеры
Смена главы региона	7	13	11	28	22	24
Электоральный цикл	20	18	18	4	9	5
Изменение экономической ситуации в регионе	12	9	2	17	11	12
Изменение состава федеральных органов власти	4	11	9	18	15	9
Изменение расстановки политических сил в регионе	19	8	13	18	11	13
Снижение уровня доверия населения представителям властных структур	14	12	4	18	9	6
Вскрытие фактов коррупции во властных структурах региона	16	10	6	19	14	20
Рост протестных настроений в регионе	16	8	5	15	8	3
Другое	1	2	0	2	1	1

В оценках тенденций развития элитных групп демонстрируется запрос на авторитаризм: среди базовых черт политической элиты в среднесрочной перспективе называются клановость (49,2%), лояльность к вышестоящему начальнику (43,1%). Обозначенная характеристика не имеет территориальной локализации.

Указанный факт подтверждается и при анализе переменной «взаимовлияние институциональных и неинституциональных субъектов». Результаты исследования показали, что потенциал влияния на систему управления определяется степенью институционализированности субъектов, их отношением к существующему режиму, уровнем легитимности. Главными факторами, определяющими роль в процессе принятия политических решений, выступают наличие неформальных связей с представителями органов власти и обладание определенными видами ресурсов (финансовый, силовой, информационный, административный). В качестве значимых участников политического процесса экспертным сообществом названы устойчивые политико-экономические группы (кланы) ($M_0 = 5$), парламентские партии ($M_0 = 5$), бизнес-структуры (имеется две моды:

$M_0 = 4$ и $M_0 = 5$), силовые структуры ($M_0 = 4$), СМИ ($M_0 = 4$). При этом наибольший потенциал влияния имеется у бизнес-структур (средняя балльная оценка составила 3,83 из 5). Не признаются в качестве значимых политических акторов внепарламентские политические партии, молодежные проправительственные движения, женские проправительственные движения, экологические движения, церковь, волонтерские движения, протестные движения, профсоюзы ($M_0 = 1$, где 1 – не оказывают влияния на процесс принятия решений). Среди них наименьшим потенциалом влияния обладают внепарламентские политические партии, что позволяет подтвердить гипотезу относительно деформации политических партий как института в силу выполнения ими функционала ограниченного парламентской деятельностью. Таким образом, политика либерализации партийной системы не будет способствовать не только усилению партийной системы, но и политической мобилизации граждан.

Наибольшая интенсивность негативной направленности мнений при ответе на данный вопрос проявляется среди экспертов регионов-аутсайдеров. Крайний скептицизм демонстрируется в отношении политической субъектности экологического, волонтерского, профсоюзного движений, молодежных и женских проправительственных организаций. Регионы-лидеры, в свою очередь, отличает завышенные оценки лоббистских способностей Общественной палаты РФ на фоне разочарований в протестном движении и роли церкви.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди неинституционализированных субъектов значительный ресурс представительства принадлежит инициативным группам граждан (средняя балльная оценка составила 2,73). При этом активность участия граждан в данной форме оценивается экспертным сообществом достаточно высоко. Среди возможных форм участия в политической жизни страны создание инициативных групп по решению местных проблем (ТСЖ, «обманутые дольщики» и т.д.) занимает 4 место; территориальное распределение позволило выявить значительные различия в отношении: если в регионах-середняках и аутсайдерах данная форма рассматривается как предпочтительная для политического вовлечения, то в регионах-лидерах как реализуемая.

Модель политического участия определяет не только стабильность элитных групп, но и характер их консолидации, прежде всего ценностной. Структура ценностной системы элитных сообществ ЦФО изучалась посредством построения иерархии. В соответствии с подходом Н.И. Лапина структурные пласты ценностной иерархии были разграничены, исходя из выполняемых ими функций: универсально-интегрирующей (ядро), социокультурно-интегрирующей (резерв), социокультурно-дифференцирующей (дифференциал) и конфликтно-регулирующей (периферия). Распределение ценностей по уровням представлено в таблице 2.

Таблица 2. Структура ценностного сознания элитного сообщества ЦФО

Что из представленного перечня является для Вас ценным в жизни (выбор не ограничен), в %

Структурные пласты	Процент наблюдений
Интегрирующее ядро (свыше 57%)	семья (91,1)
	здоровье (90,0)
	безопасность (67,8)
	совесть (72,2)
	свобода (66,7)
	достоинство (64,4)
	справедливость (64,4)
	мир (63,3)
	труд (62,2)
	закон (62,2)
	стабильность (61,1)
права человека (57,8)	
Интегрирующий резерв (45,0%–56,9%)	порядок (56,7)
	достаток (55,6)
	успех (50,0)
	собственность (48,9)
	духовность (48,9)
	патриотизм (46,7)
Оппонирующий дифференциал (30,0%–44,9%)	защита (42,2)
	демократия (41,1)
	религия (30,0)
Конфликтогенная периферия (менее 30,0%)	солидарность (27,8)
	терпимость (27,8)
	держава (24,4)
	сила (18,9)
	твёрдость (17,7)

Анализ структуры иерархии ценностной системы элитных групп позволил прийти к выводу относительно консолидации данного сообщества, поскольку число ценностей, относящихся к интегрирующему ядру достигает 50% полного перечня. При этом на оппозирующий дифференциал и конфликтогенную периферию приходится менее трети.

Результаты исследования показали, что наряду с общепринятыми, социально одобряемыми, идеологически нейтральными ценностями (семья, здоровье, безопасность) в иерархии ценностей сознания элитных групп высокие статусные позиции принадлежат и неоднозначно трактуемым ценностям, таким как свобода, справедливость, права человека. При анализе полученных данных автор исходил из того, что более высокие по рангу ценности активнее и чаще реализуются в поведении. Высокая статусная позиция той или иной ценности в иерархии является показателем высокой степени социального конформизма по отношению к ней. Низкий рейтинг ценности (периферическое положение в иерархии) указывает на ее неактуализированность, нежелание индивида руководствоваться ею в своем поведении, слабую потребность в том, чтобы этой ценностью руководствовались в обществе.

В процессе анализа выявлен определенный уровень диссонансности ценностного сознания: интенсивность мнений экспертов по поводу значимости ценностей «свобода», «достоинство», «закон» и «права человека» сопряжена с отсутствием однозначности по поводу ценностей «демократия», «солидарность», «терпимость», что обуславливает размытость оценок политической системы.

Сравнительный анализ ценностных систем элитных групп в соответствии со сферой их деятельности позволил выявить следующие различия. Наиболее интегрированным является политический сегмент, модернизационным потенциалом обладают политические и социокультурные элиты при большей демократической ориентированности последних. Экономическое элитное сообщество демонстрирует направленность на решение повседневных вопросов и высокий уровень конфликтности, что опровергает стереотип об инновационных возможностях данного кластера.

Кроме того, выявлена сопряженность двух показателей: качество жизни в регионе и уровень консолидации элит. Обращает на себя внимание тот факт, что ценности, составляющие интегрирующее ядро и интегрирующий резерв, их количество в регионах ЦФО резко различается. Если в регионах-лидерах в интегрирующее ядро входят 16 ценностей (как традиционных, так и модернизационных), а ценности «демократия», «собственность» и «солидарность» включены в интегрирующий резерв, то в аутсайдерах лишь четыре ценности составили интеграционный пласт (все традиционные), и значимые с точки зрения культуры участия ценности отнесены к конфликтной периферии. Данный факт подтверждает вывод, сделанный ранее, об утверждении авторитарных тенденций в отстающих регионах. При этом сохраняется выраженная переориентация на проблемы повседневной жизни, обособление обыденных ценностей от политических (ценности «патриотизм», «держава»,

«демократия» устойчиво занимают место в периферийной части иерархии). Обращает на себя внимание также расширение дифференцирующего пласта, что свидетельствует о высоком внутреннем конфликтогенном потенциале элитных групп субъектов ЦФО с низким уровнем жизни.

Сделанный вывод подтверждается и при анализе переменной «конфликтогенность отношений внутри элиты». Несмотря на то, что экспертное сообщество регионов-лидеров указывает соперничество в качестве основного принципа взаимоотношений между представителями политической элиты субъектов ЦФО, четкое определение предмета конфликта (стремление перераспределить ресурсы и коррупционные практики) при высоком уровне интенсивности высказываний свидетельствует об открытой фазе конфликтных взаимодействий, что дает больше возможностей для регулирования и, как следствие, снижения уровня социальной напряженности в данном сегменте. Характеристика внутриэлитных коммуникаций в регионах-середняках свидетельствует о сращивании политического пространства и пространства повседневных практик, о чем свидетельствует акцент на таких стратегиях поведения как сотрудничество и избегание столкновения. Такая ситуация носит противоречивый характер: с одной стороны, гражданские инициативы способствуют расширению политических практик, с другой, – ограничивают политическую субъектность граждан и способствуют развитию патернализма. Размытость взглядов представителей элитного сообщества регионов-аутсайдеров, отмечаемая выше, находит отражение в неоднозначности определения как принципов взаимоотношения элитных групп политической сферы, так и предмета разногласий. Данный факт свидетельствует о доминировании конфликтов в латентной фазе, что является следствием проявления авторитарных тенденций в субъектах ЦФО данного типа и ведет к повышению социальной напряженности.

Характер протекания конфликтов определяет уровень политической толерантности элитного сообщества. Эффективное урегулирование противоречий в регионах-лидерах коррелирует с низким уровнем демонстрации неприязненного отношения к политическим оппонентам, в числе которых, прежде всего, называются экстремистки ориентированные (по целям / способам деятельности) оппозиционные группы (Левый фронт – 8 экспертов, НБП – 8 экспертов, ОДД «Солидарность» – 9 экспертов)). И наоборот, высокий уровень внутригрупповой напряженности отражается на направленности и интенсивности оценок противостоящих политических сил (Левый фронт – 11 экспертов, НБП – 15 экспертов, ОДД «Солидарность» – 10 экспертов). При этом спектр негативно воспринимаемых субъектов расширен за счет системной оппозиции в лице КПРФ. Интересным представляется тот факт, что вне зависимости от типа регионов в числе упоминаний оппонен-

тов представители элитного сообществ не называют политическую партию «Единая Россия», что подтверждает высказанное ими мнение относительно принадлежности к партии власти как базового критерия рекрутирования элит. Следует отметить, что имена лидеров протестных движений являются знаковыми при оценке данных политических сил. Отсутствие в инструментарии фамилий руководителей заметно снижает интенсивность демонстрируемой неприязни.

В качестве критериев определения уровня политической толерантности были избраны следующие индикаторы – возможность участия политических оппонентов в избирательных процессах различного уровня, право на использование информационных ресурсов, вовлечение в процесс принятия и реализации политических решений. Анализ данных социологического исследования показал, что элитные сообщества допускают реализацию политическими противниками пассивного избирательного права в ходе формирования законодательных собраний (индекс толерантности $I_{T1} = 14,4$) и свободы слова ($I_{T2} = 9,7$), ограничивая при этом возможность участия в определении кадрового состава исполнительных органов власти ($I_{T3} = -3$), принятии и реализации политических решений ($I_{T4} = -35,5$), контроля за СМИ ($I_{T5} = -50,8$). Различия в индексах толерантности применительно вовлечения в деятельность исполнительных и законодательных органов власти во многом обусловлено доминированием первой ветви над второй, что позволяет уточнить характеристику параметров политических систем субъектов ЦФО.

Перекрестный анализ переменных, характеризующих отношение политической элиты к политическим противникам, по индикатору «тип региона» позволил конкретизировать сделанные выводы. Расхождения в оценках политических прав оппонентов определяются, во-первых, уровнем разграничения функционала исполнительных и законодательных органов власти, во-вторых, соотношением декларируемых и реализуемых ценностных ориентаций, в-третьих, режимными характеристиками политических систем региона. Так, наличие характеристик – более высокий уровень респонсивности, демократической ориентированности, ценностной консолидации – присущих регионам-лидерам, обуславливают лояльность в отношении различных политических сил по значительному числу показателей. На фоне повышенного патернализма граждан развивается интолерантность элитных групп в регионах-середняках к представителям внесистемной оппозиции, базовым отличием которой является противостояние политике государства. В результате последним отказано практически во всех проявлениях политической активности. Отличительной особенностью восприятия политических противников в регионах-аутсайдерах является сочетание лояльности

к реализации профессиональной политической деятельности и ограничения активности по политической мобилизации граждан. Такая противоречивая ситуация может быть объяснена, во-первых, определением элитой политической культуры массовых групп как подданнической/патриархальной, во-вторых, признанием авторитарного характера мобилизации, доминирующим субъектом которой являются государственные структуры, в-третьих, высокой оценкой манипулятивных возможностей СМИ.

Сравнение переменных «представления о качествах прежней политической элиты» и «представления о качествах новой элиты» показало, что в сознании элитного сообщества сложились различные образы политической элиты конца XX и начала XXI вв. Базовыми чертами «старой элиты» определяются следующие: наличие связей (71,9%), карьеризм (47,2%) и опыт (40,4%); «новая элита», при сохранении ряда характеристик (связи (75,9%), карьеризм (74,7%)) в большей степени рассматривается как инновационная: в оценках появляются такие качества как компетентность (40,2%), способность идти на компромисс (43,7%). Выявлено усиление интенсивности мнений экспертного сообщества относительно образа элит начала XXI в. со значительной дифференциацией по критерию «тип региона».

Анализ данных позволил прийти к выводам об инновационном тренде трансформации политической элиты в регионах-лидерах и относительно традиционализме элитного сообщества регионов-средняков и аутсайдеров. Обращает на себя внимание тот факт, что способность нести ответственность (одна из системообразующих характеристик элиты как социальной группы) указана только экспертами субъектов ЦФО с высоким качеством жизни. В целом, в регионах одного типа наблюдается достаточно высокий уровень преемственности с усилением интенсивности оценок доминирующих качеств.

Изучение формальных и неформальных характеристик политических систем регионов ЦФО позволило прийти к следующим выводам. Сложности, возникшие у элитного сообщества при оценке параметров региональных политических систем, свидетельствуют о незавершенности процесса формирования последних. При этом наблюдается относительная дифференциация позиций экспертов, связанная с принадлежностью к определенному типу региона, выделенному по критерию качества жизни. Так, в регионах-лидерах респонденты в большей мере склонны выделять характеристики, присущие демократическим тенденциям (открытость, надежность, стабильность, ориентация на рыночную экономику), в аутсайдерах – авторитарным.

Оценивая качество функционирования института разделения властей, эксперты отметили тенденцию сращивания функционала исполнительных и законодательных региональных структур (при доминировании исполни-

тельных органов). Кроме того, наблюдаются случаи, когда элитное сообщество не наделяет парламенты представительными функциями.

Исследование качества элитных групп как элемента структуры политических возможностей позволило выявить ряд тенденций: переход от смешанных (полуоткрытых) к закрытым видам рекрутирования элит; стагнация элитного сообщества, усиливающаяся в субъектах РФ по мере снижения качества жизни; сокращение межэлитной циркуляции в условиях конфликтной модели взаимодействия и сохранение ее в условиях партнерской модели; проявление идеократических факторов отбора в регионах – середняках и аутсайдерах; доминирование неформальных каналов формирования элитного сообщества, когда административное и политическое продвижение обеспечивается не личными качествами, а исходя из принадлежности в той или иной группе влияния, что непосредственно влияет на характер принимаемых политических решений. Однако, в условиях прогрессирующей закрытости элит, управленческий потенциал правящих групп снижается, а конфликтность отношений в системе «власть – общество» растет, что может привести к актуализации деструктивных методов политического участия.

Анализ структуры иерархии ценностной системы элитных групп позволил прийти к выводу относительно консолидации данного сообщества: число ценностей, относящихся к интегрирующему ядру достигает 50 % полного перечня, а на оппонирующий дифференциал и конфликтную периферию приходится менее трети. Вместе с тем наблюдается определенный уровень диссонансности ценностного сознания: интенсивность мнений экспертов по поводу значимости ценностей «свобода», «достоинство», «закон» и «права человека» сопряжена с отсутствием однозначности по поводу ценностей «демократия», «солидарность», «терпимость», что обуславливает размытость оценок политической системы. Кроме того, степень консолидации различных элит неоднородна: наиболее интегрированным является политический сегмент, модернизационным потенциалом обладают политические и социокультурные элиты при большей демократической ориентированности последних, в то время как экономическое элитное сообщество демонстрирует направленность на решение повседневных вопросов и высокий уровень конфликтности, что опровергает стереотип об инновационных возможностях данного кластера. Также обращает на себя внимание тот факт, что структура ценностных систем элитных групп в регионах ЦФО резко различается: если в регионах-лидерах в интегрирующее ядро весьма значительно по объему и включает как традиционные, так и модернизационные ценности, то в аутсайдерах лишь четыре ценности составили интеграционный пласт (все традиционные), а значимые с точки зрения культуры участия ценности отнесены к конфликтной периферии.

Высокий уровень ценностной интеграции элитного сообщества не исключает возникновение внутригрупповых конфликтов. Наоборот, в регионах – лидерах зафиксированы данные свидетельствующие о наличии открытой фазе конфликтных взаимодействий, что дает больше возможностей для регулирования и, как следствие, снижения уровня социальной напряженности в данном сегменте. Характеристика внутриэлитных коммуникаций в регионах-середняках свидетельствует о сращивании политического пространства и пространства повседневных практик, о чем свидетельствует акцент на таких стратегиях поведения как сотрудничество и избегание столкновения. Такая ситуация носит противоречивый характер: с одной стороны, гражданские инициативы способствуют расширению политических практик, с другой, – ограничивают политическую субъектность граждан и способствуют развитию патернализма. Размытость взглядов представителей элитного сообщества регионов-аутсайдеров, отмечаемая выше, находит отражение в неоднозначности определения как принципов взаимоотношения элитных групп политической сферы, так и предмета разногласий. Данный факт свидетельствует о доминировании конфликтов в латентной фазе, что затрудняет процесс их идентификации и ведет к повышению социальной напряженности.

В целом материалы экспертного опроса показали наличие кризиса представительной системы в регионах, ограничения в реализации социальных функций государства, нарастание социальной напряженности в латентной форме. Вместе с тем, были выделены значительные различия в качестве элитных групп в разных типах субъектов ЦФО (табл. 3), которые обуславливают, с одной стороны, тенденции в развитии структуры политических возможностей, а с другой – цели, репертуар и эффективность действий в рамках доминирующих моделей политического участия.

Анализ основных проявлений механизмов рекрутирования политических элит показывает несколько основных тенденций: переход от смешанных (полуоткрытых) к закрытым видам рекрутирования; стагнация, усиливающаяся в субъектах ЦФО по мере снижения качества жизни; сокращение межэлитной циркуляции в условиях конфликтной модели взаимодействия элит и сохранение ее в условиях партнерской; появление идеократических факторов отбора в регионах-середняках и аутсайдерах; доминирование неформальных каналов формирования элитного сообщества, когда административное и политическое продвижение обеспечивается не личными качествами, а исходя из принадлежности к той или иной группе влияния, в результате чего складываются целевые кланы и группировки, участвующие в распределении «властного клана» между собой и непосредственно влияющие на принятие конкретного решения.

Таблица 3. Характеристики субъектности элитных групп как показатель структуры политических возможностей в регионах ЦФО

Основания	Регионы- -лидеры	Регионы- -середняки	Регионы- -аутсайдеры
Нормативные представления о распределении ответственности за обеспечение блага между индивидом и властью, обязанностях власти по отношению к индивиду власти	Автономия	Патернализм	Патернализм
Нормативные представления о справедливом социальном порядке	Равенство	Иерархия	Иерархия
Установки в отношении «прогресса», готовность к переменам, ценностноокрашенное восприятие нового и привычного/устоявшегося	Инновационность	Традиционализм	Традиционализм
Установки на сотрудничество / способ позиционирования себя по отношению к потенциальным партнерам	Сотрудничество	Номинально – сотрудничество, реально – индивидуализм	Индивидуализм
Толерантность / нетолерантность к культурным, политическим, идеологическим различиям	Толерантность	Интолерантность	Противоречивость позиций
Степень критичности / некритичности в формировании мнения, зависимость мнения и поведения от позиции группы	Самостоятельность	Конформизм	Конформизм
Представления о взаимоотношениях с властью и распределении властных отношений	Сочетание демократических и авторитарных тенденций	Авторитарный тренд	Авторитарный тренд

РЕЗЮМЕ

На примере Центрального федерального округа рассматривается динамика изменения политического, экономического и социокультурного сегментов элитных групп в условиях российских модернизационных процессов. При этом особое внимание уделяется такому фактору как тип экономического развития субъекта федерации. Статья подготовлена на основании результатов исследований¹ выполненных в соответствии с соглашением № 14.В37.21.1018 от 07.09.2012 г. с учетом дополнительного соглашения от 18.03.2013 г. № 1 в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

Irina Alexandrovna Batanina

THE DYNAMICS OF THE QUALITY OF THE ELITE IN THE CONDITIONS OF MODERNIZATION OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

By the example of Central Federal District of the Russian Federation the dynamics of the changes of political, economic and social-cultural segments of the elite group in the conditions of modernization processes in Russia are viewed. Special attention is paid to such factor as a type of economic development of the federal subject. The article is based on the results of the researches carried out within a framework of the Federal targeted programme “Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel of the Innovative Russia” for 2009–2013.

KEY WORDS: *elite, modernization, value system, value orientations*

Библиография

И.А. Батанина, Ю.Б. Киняшева, А.А. Лаврикова, О.Е. Шумилова, *Политическое участие как фактор урегулирования конфликтов в системе «власть – общество» в условиях трансформации современной России*, Тула 2013.

---

¹ Экспертный опрос. Объем выборочной совокупности – 90 человек. В исследовании приняли участие представители экспертного сообщества из политического, экономического и социокультурного сегментов региональных элит ЦФО (распределение равномерно). 71,1 % респондентов – работники государственного сектора (преимущественно политический и социокультурный сегменты), 28,9 % – частного (преимущественно экономический сегмент).